

О. В. Смирнов

независимый исследователь
Екатеринбург, Россия
ovsmirnov@mail.ru

Реконструкция мерянского языка на основе топонимических данных: математико-статистический подход

В докладе представлены предварительные результаты реконструкции вымерших волжско-финских языков (далее ВВФЯ) Центральной России. Обычно в отношении этих языков употребляют термин *мерянский язык*, однако, как показывает материал, он достаточно условен: оперируя им, мы должны иметь в виду, что анализируем пестрые факты, принадлежавшие разным языкам и диалектам.

Сложность работы заключается в том, что большинство субстратных топонимов предположительного мерянского происхождения допускает различные этимологии с опорой на прибалтийско-финские, саамский, марийский, мордовские или даже пермские и угорские языки. Вопрос наибольшей вероятности этимологий решается субъективными эмпирическими предпочтениями их авторов. В связи с возможностью различных этимологических интерпретаций ключевым фактором в решении вопросов реконструкции ВВФЯ является разработка объективных критериев предпочтительности той или иной этимологии. Подобные объективные критерии может дать математика, а именно вычисление математической вероятности случайности или неслучайности совпадений.

В качестве исходной предпосылки для выстраивания математического аппарата взят факт наличия межъязыковой омонимии лексем. Чем короче слово, чем больше допущения вариации звуков, тем выше вероятность нахождения созвучного ему слова (межъязыковая омонимия) в другом языке. Математические расчеты показывают, что на макротерритории — среди нескольких тысяч субстратных основ — вероятность найти случайное соответствие слову из трех-четырех звуков л ю б о г о я з ы к а настолько велика, что делает подобные сравнения бессмысленными.

Для того чтобы снизить вероятность случайных соответствий, необходимо уменьшить массив анализируемых субстратных основ (причем желательно, чтобы они принадлежали одному языку), т. е. ограничить анализируемую территорию м и к р о р е г и о н о м. С этой целью в обширном регионе Центральной России для анализа было выбрано два микрорегиона: юг Ярославской обл. (далее ЮЯО) и Владимирско-Суздальское Ополье (далее ВСО).

Первый микрорегион соотносится с археологическим ареалом летописной мери вокруг озер Неро и Плещеево [Леонтьев, 1996, 29–50]. Второй микрорегион также выделен с опорой на археологические памятники мери по левому берегу Клязьмы между бассейнами рек Колокша и Нерль [Там же, 193–214]. Согласно археологическим данным, поселения мери в ЮЯО и ВСО датируются VI–XI вв. н. э., это были родственные этнические группы, которые находились в тесном общении друг с другом [Там же, 292].

В ЮЯО выделено 420 иноязычных топонимов, в которых отражено 350 топооснов (некоторые из них повторяются), в ВСО найдено 225 топонимов с 200 топоосновами. Главным источником информации послужила картотека из архива А. К. Матвеева. Эти массивы по отдельности методом этнического моделирования сравнивались с корпусами наиболее частотных топооснов прибалтийско-финских, саамского, мордовских и марийского языков (от 60 до 120 топооснов каждого языка). Для каждой топоосновы определена вероятность случайного совпадения с учетом длины основы и допущений о вариациях звуков в свете исторической фонетики сравниваемого языка. На основе этих вероятностей вычислено, сколько топооснов каждого языка найдут совпадения в сравниваемом массиве топонимов, если это не родственные, а «случайные» языки (т. е. в случае межъязыковой омонимии). Так, на массиве в 350 субстратных основ эта величина составляет от 11,5 % до 13 % (по разным языкам — разная в зависимости от длины основ и количества допущений), т. е. примерно каждая восьмая топооснова найдет случайное совпадение на любой сравниваемой территории. На массиве в 200 субстратных основ уровень случайности совпадений — от 6,7 % до 7,8 %. Сравнение по четырем языкам дало статистические величины, отраженные в нижеследующей таблице.

Сравниваемые топоосновы языков-эталонов	Юг Ярославской области (ЮЯО)			Владими́ро-Сузда́льское Ополье (ВСО)		
	Вероятность случайного совпадения основ в сравниваемом массиве	Фактическое количество совпадений основ	Коэффициент неслучайности	Вероятность случайного совпадения основ в сравниваемом массиве	Фактическое количество совпадений основ	Коэффициент неслучайности
Мордовские	11,8 %	45 %	3,8	7,0 %	36 %	5,1
Марийский	13,1 %	41 %	3,1	7,8 %	33 %	4,2
Прибалтийско-финские	11,5 %	34 %	3,0	6,7 %	20 %	2,9
Саамский	11,7 %	32 %	2,7	6,9 %	17 %	2,5

Важно, что исходные эмпирические предпосылки, положенные в основу математических расчетов, едины, а значит, соотношение величин и их распределение репрезентативны и формально объективны.

Выводы из математико-статистического анализа.

1. Наиболее важным показателем является коэффициент неслучайности совпадений, который мы вычисляем путем деления фактически полученных совпадений на количество совпадений, математически ожидаемых при случайной межъязыковой омонимии. Чем выше коэффициент неслучайности, тем более вероятна генетическая близость сравниваемых языков. Одинаковое распределение коэффициента неслучайности по двум разным микрорегионам в порядке убывания (мордовские — марийский — прибалтийско-финские — саамский) объективно свидетельствует в пользу родства топонимии этих двух микрорегионов и о том, что такое распределение закономерно.

2. Выше всего коэффициент неслучайности получается при этническом моделировании мордовских языков (т. е. при сравнении «мерянских» топонимов с наиболее частотными основами живой мордовской топонимии). В связи с этим в отношении микрорегионов летописной мери можно говорить о большей близости субстратных языков этих территорий к мордовским языкам. Это положительно соотносится с данными археологии о том, что мерянский археологический

материал ЮЯО и ВСО ближе всего к муромскому и древнемордовскому [Леонтьев, 1996, 293–294].

3. В микрорегионе Ополя (ВСО) неслучайность совпадений с мордовским и марийским более четко выражена на фоне прибалтийско-финских и саамского языков, чем в микрорегионе ЮЯО. Это может быть связано с большей разнородностью топонимии ЮЯО. Подобный вывод тоже хорошо согласуется с археологическими данными, свидетельствующими о сосуществовании в микрорегионе ЮЯО во второй половине I тыс. н. э. поселений мери с поселениями позднедьяковской культуры, которая формировалась под сильным балтским влиянием [Леонтьев, 1996, 238]. Это значит, что в ЮЯО субстратная топонимия может принадлежать не одному, а по меньшей мере двум ВВФЯ, а также содержать не финно-угорские (балтские) элементы.

Это объясняет некоторые факты. Например, гидронимические форманты *-баж/-бож/-наж*, частотные в ЮЯО, не представлены в ВСО — они тяготеют к западу и территориально соотносятся с «волжско-финской» частью позднедьяковской культуры. В то же время гидронимические форманты *-Вкуша* и *-Vga*, ойконимические форманты *-бол/-бал*, широко представленные в ВСО, «выклиниваются» в западной («позднедьяковской») части ЮЯО. Есть повторяющиеся топоосновы, представленные только в западной части ЮЯО (по правобережью Волги, в районе Углича и Мышкина), часть из них этимологизируется на базе прибалтийско-финских языков, ср. р. *Курба*, р. *Курбица* ~ фин. *korpi* ‘глухой лес’.

Вычисление и объективное, математически выверенное сопоставление вероятности отдельных этимологий — это вопрос последующих этапов работы. В настоящее время при этимологизации топонимов летописной мерянской территории их близость к мордовскому материалу заставляет обратить внимание именно на мордовские языки.

Приведем в связи с этим один пример. Населенные пункты *Большая* и *Малая Брембола* расположены к востоку от оз. Плещеево. Примечательны археологические данные: в 5 км к северо-западу от н. п. *Большая Брембола*, возле н. п. *Городище* находится овраг *Бремболка* с мерянским селищем, а еще чуть севернее — археологический памятник Александра Гора [Леонтьев, 1996, 47]. Последний представлял собой мерянское городище, единственное в округе мерянских селищ вокруг оз. Плещеево, что подчеркивает важность этого места

для мерян. Стечение согласных в начале слова необычно для финно-угорских топонимов и в подобных случаях связано с выпадением редуцированного гласного. Это позволяет обратить внимание на морд. эрз. *пирямс* ‘городить, загородить, окружить’, *пире* ‘огород’ < прафин.-волж. *pire ‘круг; ограничивать’ [UEW, 384]. Освоение топонима русским языком происходило в X в., когда славянские поселения появляются по соседству с мерянскими в районе озер Неро и Плещеево, поэтому финно-волжский *i мог в то время адаптироваться в виде редуцированного древнерусского гласного (ср. возможную адаптацию гласного *i в виде редуцированного в речных гидронимах *Гза* и *Гда* [Матвеев, 2015, 108]), т. е. *Пьрембола > *Брембола*. Компонент *-ем-* в *пьрем является отражением продуктивного в финно-волжских языках суффикса **-m* [ОФУЯ, 345], образующего инфинитивы, причастия и существительные от глаголов, ср. морд. эрз. *пирямю* ‘загораживание, окружение’. Таким образом, название н. п. *Городище* является метонимической калькой по отношению к *Бремболка*. По каким-то причинам название *Брембола* было в дальнейшем перенесено на современные н. п. *Большая* и *Малая Брембола*, которые находятся немного в стороне от н. п. *Городище* и оврага *Бремболка*.

Все сказанное нельзя понимать однозначно в том смысле, что мерянский язык был диалектом мордовского или прамордовского. Приведенные факты пока не дают для этого достаточных оснований. Во-первых, коэффициент неслучайности совпадений с марийским языком тоже достаточно высок, особенно в микрорегионе ВСО, и ряд топонимов здесь этимологизируется исключительно на базе марийского языка. Во-вторых, эмпирические данные показывают, что высокие значения коэффициента неслучайности совпадений на уровне порядка 3 или 4 демонстрирует и сравнение наиболее распространенных топонимических основ таких достаточно далеких друг от друга языков, как, например, мордовский и марийский. «Распутать» сложный узел ВВФЯ, отделить друг от друга наследие разных субстратных языков на мерянской территории должен помочь дальнейший анализ топонимии соседних микрорегионов, на которых, по археологическим данным, в средние века были распространены волжско-финские этнические группы.

Леонтьев А. Е. Археология мери: к предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера : в 4 ч. Ч. 4 : Топонимия мерянского типа. Екатеринбург, 2015.

ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / под общ. ред. В. И. Лыткина. М., 1974.

UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Budapest, 1986–1991.

DOI 10.31168/7996-2700-3.111

О. С. Смирнова

газета «Знамя Победы»
Сухой Лог, Россия
olga19732007@yandex.ru

Региональный именной во времена антропонимического «половодья» 1930-х гг.

Революционные изменения в русской антропонимии 1920–1930-х гг., вызванные отказом от прежней многовековой традиции именования по церковным святым, затронули все регионы России — от европейской части до Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Покажем, как был вовлечен в процесс антропонимического «половодья» женский именной рабочий поселок Сухой Лог, расположенного в 114 км северо-восточнее Свердловска (Екатеринбурга). Чтобы увидеть материал в динамике, к исследованию привлекаются данные именных срезов за три года: 1933, 1935 и 1938 гг. Имена были извлечены из алфавитных книг к записям актов о рождении, которые хранятся в сухоложском загсе.

По данным Сухоложской районинспектуры народно-хозяйственного учета (архивный отдел Администрации Сухого Лога), численность населения в поселке в 1933 г. составляла 7 500 человек, в 1935 г. — 8 268 человек (сведения за 1938 г. отсутствуют).

Количество девочек, родившихся в эту пятилетку, выросло более чем вдвое: от 98 в 1933 г. до 209 в 1935 г. и 211 в 1938 г. В два раза увеличилось и число имен, которые использовались при наречении: в 1933 г. их было 31, в 1935 г. — 55, а в 1938 г. уже 63.